

ЗАНЯТОСТЬ ПОЛЬСКИХ ЖЕНЩИН ЮГО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Одним из требований женского движения во второй половине XIX в. было равное с мужчинами право на труд. В Российской империи женщины долго не имели такого права. С 1865 г. они получили право работать телеграфистками, а в 70-е гг. — в счетной части женских учебных заведений. Позднее, после появления женщин с медицинским образованием, они освоили и эту нишу общественного производства. Однако многие профессии для них были закрыты. Мы попытаемся выявить, насколько польские женщины были втянуты в общественное производство, имел ли рынок труда в юго-западных губерниях свою специфику, чем можно объяснить те или иные количественные данные.

Количество польского населения края можно установить по переписи населения, проводившейся в Российской империи в 1897 г. Данные по трем губерниям представлены в табл. (сост. по: [7]). И хотя в процентном соотношении количество поляков составляло чуть более 3 % населения, т. е. более 320 тысяч человек, они представляют интерес для изучения.

Количество польского населения в юго-западных губерниях по переписи 1897 г.

Губерния Пол	Киевская	Подольская	Волынская	Всего по губерниям
Мужчины	34 093	33 762	90 701	158 556
Женщины	34 698	35 394	93 460	163 552
<i>Итого</i>	68 791	69 156	184 161	322 108

Профессиональная занятость польских женщин будет проанализирована по той же переписи, где необходимо было указать вид деятельности, причем только один. Вероятно, женщины выбирали среди предложенных пунктов основной источник доходов. В переписи также был поставлен вопрос о том, самостоятелен ли человек — и тогда он выбирал вид занятости, или не самостоятелен — и тогда его приписывали к тому, кто его содержал. Таким образом, перепись населения еще раз подчеркивала и закрепляла существующее гендерное неравенство.

Другим важным источником понимания особенностей рынка труда и процесса вхождения в него женщин являются нарративы поляков, проживавших в юго-западных губерниях России. То, что удостаивалось внимания авторов, было событием, выбивавшимся из традиционной повседневности и запечатленным памятью, т. е., как считают исследователи истории повседневности, именно необычное, одиночное больше всего запоминается. Сначала новое вызывает удивление и непонимание, потом, при его повторении, начинает казаться нормальным, затем становится распространенным, обыденным, тривиальным [10]. Именно такие упоминания в мемуарах о «странном», «необычном» в экономических отношениях, касающиеся моделей поведения женщин, и обращали наше внимание.

По данным всеобщей переписи населения 1897 г., в юго-западных губерниях в общественном производстве были заняты 24 368 польских женщин, что составляет 14,8 % от их общего количества. Наибольший процент занятости женщин был в Киевской губернии — 7 286 человек (или 20,9 %), в Подольской губернии он составлял 5 388 (или 15,2 %), в Волынской — 11 694 женщины (или 12,5 %).

Невысокий процент женщин, занятых в экономике, был обусловлен как существующим социально-экономическим положением в империи, так и особенностью исторического этапа. Женщины были сосредоточены в частной сфере, однако потребности капитализма, при которых основным ресурсом рождающегося модернизированного общества был человеческий капитал, вывели женщин в сферу производительного труда.

Процент занятости поляков мужчин составляет 51,1 % от всего их количества. Соответственно, именно мужчины обладали экономическими ресурсами в обществе. Однако необходимо отметить, что возможности поляков в экономической сфере были значительно ущемлены после разгрома Январского восстания 1863 г. Кроме конфискаций имущества, репрессий и административных притеснений, особенно чувствительным оказался Указ 1865 г. о запрете продажи земли полякам. С этого времени, как исследовал Д. Бовуа, значительно возрастает количество земли, принадлежащей русским помещикам, и уменьшаются финансовые возможности этнических поляков [2, с. 155—163]. Подозрения, насаждаемые властями по отношению к полякам, негативно отразились на их возможностях на рынке труда.

Рассмотрим участие женщин в различных областях экономической жизни. Наибольший процент польских женщин — 37,6 % от всех занятых — были сосредоточены на частной службе в качестве прислуги и поденщиц. С чем же связано такое значительное участие польских женщин — более трети всех занятых — в области обслуживания?

В течение XIX в. российское правительство, стремясь ограничить «польское влияние» в крае, проводило процесс деклассации мелкого дворянства. Специально созданные комиссии проводили верификацию дворянства, и те мелкие землевладельцы, которые не смогли подтвердить свое происхождение, переходили в податные сословия — мещан, крестьян и др. [2, с. 155—163]. Нежелание расставаться с давними привилегиями, смешиваться с крестьянской массой привело к возникновению многочисленной прослойки польского общества — безземельной шляхты.

Этот сложный процесс деклассации польского дворянства отражался и на женщинах. Одна из авторов мемуаров — М. Ивашкевича писала, что главным сокровищем в доме была геральдическая бумага, подтверждающая дворянское происхождение. Однако стиль жизни такой шляхты мало чем отличался от жизни местных крестьян, хотя обособленное проживание сохранялось всегда [13, с. 36—37].

Воспитанные в духе превосходства над окружающим непольским, не католическим населением они тяжело втягивались в капиталистические отношения. Большинство из них пополняли население городов, занимаясь мелкими торговыми предприятиями или становясь основой того класса, который впоследствии будет именоваться интеллигенцией. Другие же, не желая покидать насиженных мест, находили себе работу в помещичьих хозяйствах в качестве управляющих предприятиями, экономов, мелких служащих.

Что же должно было ожидать женщину в семье обедневших дворян? Большинство из них вынуждены были работать. Речь идет прежде всего о молодых незамужних женщинах. Выражая свое «покровительство», богатые соотечественники нанимали девушек 14—15 лет из «шляхетских семей» на службу в качестве прислуги [11, с. 15]. Такое трудоустройство было выгодно для обеих сторон. Девушки учились манерам, обустройству богатого дома (как надо жить дворянам), выполняли считающиеся традиционно женскими работы: стирали и гладили белье, проводили уборку помещений, учились готовить и накрывать на стол. Фактически, таким образом девушки готовились к ведению домашнего хозяйства. Кроме того, это давало возможность работать в имении, не

позволяя смешиваться с крестьянской массой. Хозяева усадеб в лице польской прислуги окружали себя почти что равными — дворянами по происхождению, что давало им ощущение выполненного патриотического долга — поддержки соотечественников.

Такая работа, с первого взгляда выгодная для обеих сторон, не давала шансов польским женщинам преодолеть социальное неравенство. Их карьера обрывалась с замужеством и выполнением репродуктивных функций. Дискриминационные шаги властей содействовали национальным проектам, объединяя поляков в единое «воображенное сообщество» [2], требующее возрождения государственности. Но имущественное неравенство и классовые интересы разделяли его, обуславливая популярность идеологий, нацеленных на достижение социальной справедливости.

Показатель занятости мужчин поляков в этой сфере также наибольший — 35 878 человек, или 44,2 % от всего количества занятых. Думается, что цифра эта сложилась исторически. Приобретая поместья в юго-западных губерниях, русские владельцы не спешили менять прислугу и управителей, которые за многолетнюю службу знали те особенности, которые дает опыт проживания и управления в одном регионе.

Около 3 839 польских женщин, т. е. 15,7 %, были заняты в сфере земледелия. Это довольно невысокий процент, если учесть, что 78 023 польские женщины, или 47,7 % от всего женского населения юго-западных губерний, были приписаны к сословию крестьян. Вероятнее всего, к крестьянству относилось население, традиционно занимавшееся сельским хозяйством, и уже упоминавшаяся группа деклассированной шляхты, вынужденной в силу обстоятельств крестьянствовать.

То, что столь невысокий процент женщин-крестьянок были заняты сельским хозяйством, не является достоверным показателем. Имеется в виду, что и другие виды деятельности, а именно животноводство, обработка растительной и животноводческой продукции, торговля ею (пункты 19,32 и 51 анкеты соответственно), также можно отнести к занятости в сельском хозяйстве. В целом таких женщин насчитывается около 4 292, или 17,6 % от количества занятых.

Обратим внимание на два «сигнальных» показателя, а именно: 47,7 % женщин было приписано к сословию крестьянства и только 17,6 % признали свою самостоятельность и назвали виды деятельности, служащие им источником доходов в сельском хозяйстве. Это означает, что большинство польских крестьянок не были земельными собственницами и работали в сельском хозяйстве по найму. Для большинства таких женщин возникала необходимость в сочетании домашней работы и работы на поле.

В личных источниках мы встречаем упоминания о том, как те или иные женщины, не имеющие первоначальной потребности в занятости, под влиянием обстоятельств начинали заниматься производительным трудом. Ярким примером такого включения в рыночную экономику была деятельность матери Э. Корвин-Красинской. Ее мать, оставшись вдовой, оставила управлять большим имением своего взрослого сына, а сама с дочерьми выехала в Херсонскую губернию, где им принадлежали 2 сахарных завода и большое овцеводческое хозяйство. То, что мать автора воспоминаний стала руководить таким хозяйством, не вызывает удивления, потому как это были, вероятнее всего, налаженные производства. Интересен другой факт: через некоторое время женщина стала осваивать новое производство, послав одну из своих работниц стажироваться в Киев на консервный завод, чтобы та смогла обучиться, как хранить и консервировать фрукты и овощи [16, s. 9, 16].

Другой пример взят из воспоминаний А. Павелчинской о жизни ее бабушки, которая была не очень счастлива в замужестве. Ее муж был очень экономным и вел строгую денежную отчетность. Постепенно женщина тоже вошла в суть экономических дел усадьбы и завела собственный счет, который пополнялся благодаря продаже сельскохозяйственных продуктов. Сначала эти деньги давали женщине некоторую свободу, позволяя ей не обращаться к мужу с разными мелкими тратами. Так, экономя,

бабушка А. Павелчинской смогла вернуться в родительский дом, имея первоначальные средства для его восстановления [18, s. 145].

Бабушка по матери одного из авторов воспоминаний Яна де Реплонге была женой агронома и управителя. Ее муж был постоянно в разъездах, где руководил полевыми работами. Сама же бабка занималась молочной фермой и экспортом молочных продуктов в Австрию [20, s. 30].

Приведенные выше факты дают подтверждение тому, что польские женщины постепенно включались в экономическую жизнь. Иногда такие случаи были связаны с давлением обстоятельств, порой были продиктованы необходимостью участия женщин в семейном производстве. Особенности такого включения в предпринимательскую деятельность были уже имеющийся доступ к ресурсам, знание дела, которым занимались женщины, наличие общественных связей. Кроме того, ни одно из названных предприятий не было крупным и не составляло конкуренцию какой-либо ведущей компании или производству. С одной стороны, эти примеры показывают, что «угнетение женщин осуществляется не мужчинами, а капиталистической системой» [3, с. 133]. С другой стороны, та же существующая экономическая система позволяла им преодолеть экономическую зависимость и стать равноправными субъектами экономических отношений в семье и обществе. Несомненно, что ломка социальных структур была не под силу отдельным индивидам, но эти случаи давали пример получения экономической независимости, вслед за которой представлялось возможным преодоление и других видов неравенства.

Имеются, однако, и обратные утверждения. Автор «Воспоминаний одессита» Е. Янишевский писал, что приглашенная для обучения детей француженка не могла понять существующий стиль жизни, а именно почему огромное количество фруктов из господского сада пропадает только потому, что «пани не пристало их продавать» [14, s. 73]. Здесь мы встречаемся с определенным противоречием социальных ментальностей — дворянской и капиталистической. Французская гувернантка, прибывшая в дворянский дом для получения заработка и имеющая статус «домашнего пролетариата», не могла понять тех, кто пренебрегал условиями рынка и руководствовался не экономическими, рациональными, с ее точки зрения, интересами, а существующими стереотипами. Если посмотреть на контекст ситуации, то можно констатировать, что гувернантка, зависимая от своих работодателей, гораздо более свободна, нежели они. То, что она, будучи незамужней, могла поехать в чужую страну для получения заработка, — это и есть то свободное волеизъявление, которое не могли себе позволить польские девушки из семей, где француженка преподавала.

Занятость польских мужчин в сфере земледелия гораздо выше — 36 %, т. е. владение землей и, соответственно, прибыль с нее, считалась мужским уделом. Не думаем, что земельные работы выполнялись всецело мужчинами. Календарь сельскохозяйственных работ и их специфика позволяют участвовать в этом труде женщинам наравне с мужчинами, однако при этом земельным собственником остается мужчина.

Следующая значительная группа женщин — 3 617 (или 14,8 %) — жила за счет «доходов с капитала от движимого или недвижимого имущества, средств, завещанных родителями». Сегодня сложно сказать, может ли данный вид доходов считаться работой, но то, что он требовал не просто получения дивидендов, а искренней заинтересованности и постоянного внимания, не может вызывать сомнений. Во второй половине XIX в. Россия вступила в эпоху капиталистических отношений: земля обрела рыночную стоимость, крестьяне превратились в наемную рабочую силу, предприимчивость земельных магнатов закрыла давние дворянские заслуги. Новые рыночные отношения заставили полек, владеющих именьями, включиться в управление ими.

Доходы, приносимые от владения землями в Правобережной Украине, в условиях наступления на экономические права польского населения не могли быть стабильными, а потому требовали особого повышенного внимания и всегда были сопряжены с риском [6,

с. 122]. После разгрома восстания 1863—1864 гг. репрессии коснулись мужского населения. Около 1 900 человек были репрессированы, а кроме того, многие были высланы во внутренние районы империи [15, s. 610—614]. Женщины оставались хозяйками земельных угодий и вынуждены были вникать в дела управления ими.

В нарративных источниках мы встречаем несколько вариантов получения доходов от владения имуществом, в основном землей. Первый — это передача имения в аренду, управление и получение только дивидендов. Плюсы такого решения были очевидны — женщина не заботилась о ситуации на рынке и рассчитывала на строго определенную сумму. Е. Покрывницкий в своих воспоминаниях говорит, что его бабушка нанимала управителя, использовавшего прогрессивные технологии ведения сельского хозяйства, в то время как управитель имения его отца не интересовался новыми методами и платил хозяевам меньше предыдущего [19, s. 38].

Однако за такую беззаботность приходилось иногда дорого платить. Нередко управители имений взыскивали хорошие барыши с крестьянских налогов, скрывая истинные доходы и выплачивая из них фиксированную сумму собственникам. В нарративах М. Ивашкевичевой утверждается, что эта группа молодых образованных людей, очень быстро обогащалась на Украине [13, s. 134]. Отец К. Скрынского был управляющим, и то, что у него сложились хорошие отношения с собственниками земли, автор воспоминаний называет редким исключением [22, s. 3]. Игнорирование делами управления могло в итоге привести к постепенному росту задолженности, а иногда и к полному разорению.

Утверждать, что такой путь был предпочтительнее для польских земельных собственников, мы не можем, потому что в мемуарах встречаются и радикально противоположные случаи. Многие польки — владелицы земли, стремились адаптировать свои хозяйства к рыночным отношениям. Исследователь социально-экономической истории поляков юго-западных губерний империи Д. Бовуа утверждает, что в погоне за сохранением имущества активно включались механизмы женского влияния — кокетство, заигрывание и т. п. [2]. Перед нами примеры самореализации женщин, которые не подвергают сомнению существующую гендерную иерархию. Процесс усиления неформального влияния женщин через сеть социальных связей шел параллельно с усложнением общественных структур [8, с. 55]. Тот факт, что область, традиционно занимаемая мужчинами, — управление имением, стала включать и женщин, в других случаях считался бы революционным, но в данных условиях он стал приемлемым, хотя само ведение хозяйства было делом не из легких.

Не только земля становилась источником доходов. С. Краузова, родившаяся в семье небогатых родителей (ее отец занимался переплетами книг, мать давала уроки музыки и выступала на концертах), говорила еще об одном виде доходов семьи — сдаче жилья внаем. Семья имела два дома в Киеве, которые сдавала чиновникам, и это приносило стабильный доход. Однако после смерти отца этих денег стало недостаточно, чтобы содержать семью. И вот тогда мать с помощью хозяйственной служащей стала продавать «домашние обеды». Этот мелкий бизнес приносил достаточно средств, чтобы семья безбедно существовала. Питались в этом заведении в основном поляки, работающие неподалеку в аптеке [17, s. 50]. Таким образом, жесткие условия экономической жизни в начале XX в. заставляли женщин, ранее не допущенных в область производства, включаться в рыночные отношения, одновременно расширяя границы своего мира, т. е. исключение мужчин из сферы управления экономической жизнью в крае, направленное в целом против польского населения, благоприятно сказалось на расширении потенциала польских женщин. То, что деловая активность польских женщин являлась вынужденной, не вызывает сомнений, и вряд ли могла быть реализована в других условиях.

Интересно, что именно в этом пункте анкеты процент польских мужчин значительно уступает женщинам. Только 5,4 % поляков получали доходы с капитала. Вероятно, мужчины предпочитали самостоятельное управление имуществом, а не сдачу его внаем. И

причина этого в осознании мужчинами больших возможностей в увеличении капитала при самостоятельном его использовании.

Показатель польских женщин, живущих с доходов от имущества, выше, чем аналогичный показатель в группе «великорусских», где он составляет 12,5 %, или еврейских женщин — 7,9 %. Трудно сказать, что было наиболее значительным фактором такого большого процента польских женщин — семейные ли традиции владения землей или четкие прагматические расчеты. Скорее всего, что жизнь на дивиденды была возможной для группы польских женщин, потому что они обладали тем самым капиталом, с которого можно было их получать. Женщины, принадлежавшие к другим этническим группам, в частности русские, лишь недавно получившие на этих землях привилегии, находились в совершенно других условиях. Здесь следует вспомнить направления, осуществляемые поляками при выборе учебы в университетах [12, s. 121]. Большинство девушек выбирали факультеты, связанные с ведением сельского хозяйства. Такой выбор давал им возможность ориентироваться, хотя бы в общих чертах, в управлении имением и повышал их возможности выгодно распоряжаться капиталом.

Изготовлением одежды занималось 1 980 польских женщин, что составляет 8,1 % от всех занятых полек. Данный вид деятельности подтверждает патриархальность общества, в котором обеспечение семьи одеждой сначала входило в обязанности женщины, а потом стало традиционной женской работой. К сожалению, в личных источниках не встречаются сведения о жизни женщин, занятых в этих профессиях. Мемуары и воспоминания писались в основном дворянками или теми, кто происходил из зажиточных семей, где женщины не занимались такими видами работ.

Интересно сопоставление количества женщин, занятых изготовлением одежды, по национальному составу. Среди русских женщин этим видом деятельности занималось 3 259 женщин, или 9,8 % от всех занятых женщин этой национальности, а вот среди еврейских женщин этот показатель составляет 7 540 женщин, или 30,8 %. Среди еврейского женского населения этот вид деятельности — второй по количеству занятых после получения доходов от владения имуществом и капиталом.

Некоторые польские женщины жили на «средства, получаемые от казенных или общественных учреждений». Таких женщин в юго-западных губерниях насчитывалось 999, или 4 % от всего количества занятых женщин. Вероятнее всего, что это были жены бывших предводителей дворянства, чиновников, которые заслужили пенсии верноподданнической службой еще до Январского восстания, или военных. В этой группе больше русских женщин — 2 572, или 5,5 % от всех «самостоятельных», у «малороссов» — 3,3 %, а у евреев — 2,8 %. Эти цифры демонстрируют политику властей по отношению к различным этническим группам.

Следующие показатели занятости польских женщин касаются учебной и воспитательной деятельности. В этом виде работ было занято 726 женщин, или 2,9 % от всего количества занятых женщин. Учеба в частных женских гимназиях давала возможность заработать обучением грамоте, знаниями языков. В польских дворянских домах нанимали нянечку польской национальности, что подтверждается авторами многочисленных воспоминаний [20, s. 13; 21, s. 10]. Налицо факт использования женщины как национального символа и агента национального воспитания. Нянечка, которая должна была растить ребенка с младенчества, а значит, учить языку, фольклору и всему тому, что позже позволит человеку определить свою национальную идентичность, была полькой. Но поскольку принадлежность к польской нации не приносила в Российской империи никаких «дивидендов», позже в воспитании ребенка принимали участие приглашенные учителя, способные подготовить ребенка к поступлению в гимназию или университет.

Кроме того, для польского населения Правобережной Украины в условиях русификации было характерным стремление дать детям хотя бы элементарное образование, что приводило к созданию сети тайных начальных польских школ [4, с. 146—147]. Это объясняется тем, что в начальные училища дети из польских семей не

могли пойти, т. к. не знали русского языка. Польских же школ в крае не было, а родители не могли в силу необразованности или занятости дать детям элементарные учебные навыки.

Учителями в этих школах становились не только грамотные поляки, но и выпускницы частных женских пансионов. Примером такого трудоустройства является дело Алины Березовской, хранящееся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве (ЦГИАУК). А. Березовская, обучавшая сельских детей чтению и польской грамоте, по собственной инициативе преподавала им Закон Божий. Об этом узнали в жандармерии, после чего ей было запрещено преподавать. Через некоторое время она попросила разрешить ей преподавать хотя бы рукоделие, т. к. это ее единственный источник доходов [9, 14, 19]. В юго-западных губерниях также получили распространение частные женские пансионы, которые содержались женщинами или в которых могли преподавать женщины. Содержание такой гимназии было выгодным делом [5].

Дальнейший анализ видов занятости польских женщин не представляется целесообразным, т. к. показатели занятости женщин в тех или иных областях экономической жизни не превышают 2 % и, как правило, составляют не более 100 женщин на губернию.

В целом анализ занятости польских женщин в экономической жизни показывает, что общий уровень занятости был довольно низким, что было обусловлено самой социальной системой буржуазного общества, а также тем, что именно на женщине лежала обязанность выполнять всю работу по обслуживанию семьи, воспитанию детей. Вступление России на путь становления капиталистического общества, а также дискриминационная политика в отношении польского мужского населения открывали перед женщинами перспективы замещения мужчин в некоторых областях общественного производства. Вывод женщин в сферы занятости осуществлялся в области низкоквалифицированного, малооплачиваемого, обслуживающего труда.

Наибольшие показатели занятости касаются тех сфер, которые являлись как бы продолжением домашней женской работы: обслуживание дома и семьи, занятие сельским хозяйством, которое обеспечивало прокорм, воспитательная деятельность, связанная с функциями материнства. Занятость в этих сферах не требовала квалифицированных знаний и позволяла капиталистической системе вытеснять женщин в малопродуктивные и, как следствие, низкооплачиваемые области. Однако то, что эти женщины включались в производство, является подтверждением ломки устоев докапиталистического общества. Эмансипация в сфере производства проявлялась во включении женщин в области труда, приносящие прибыль, а не только в их занятости домашним хозяйством. Польские женщины не обладали ни социальным, ни культурным капиталом, чтобы сделать карьеру или получить высокие прибыли. Богатое имущество или высокий социальный статус зависели от мужчины, а если такового не было, то они могли быть использованы женщиной только для относительной свободы в приватной, а не в общественной сфере.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Уявлені спільноти. Київ : Критика, 2001. 272 с.
2. *Бовуа Д.* Битва за землю в Україні 1863—1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах. Київ : Критика, 1998. 334 с.
3. *Коллинз Р.* Введение в неочевидную социологию // Антология гендерной теории. Минск : Прописи, 2000. С. 114—140.
4. *Ніколаєнко О. О.* «Органічна праця» на українських землях Російської імперії в 30—90-х рр. XIX ст. : дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2006. 189 с.
5. *Ніколаєнко О. О.* Жіноча освіта в середовищі польського населення Південно-західних губерній Російської імперії наприкінці XIX — початку XX ст. // Історичний архів. 2008. Вып. 2. С. 138—146.

6. *Павлюк В. В.* Вплив шляхетських родів Волині на соціально-економічний та культурний розвиток краю в ХІХ ст. : дис. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2000. 165 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 8 : Волынская губерния. Б. м., 1904. 282 с. ; Т. 16 : Киевская губерния. 1903. 298 с. ; Т. 32 : Подольская губерния. 1904. 285 с.
8. *Репина Л. П.* Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41—58.
9. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУК). Ф. 442. Оп. 846. Д. 432.
10. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. № 2. С. 129—137.
11. *Dyakowska J.* Wspomnienia. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15375.
12. *Epsztejn T.* Edukacja dzieci i młodzieży w polskich rodzinach ziemiańskich na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w II połowie ХІХ wieku. Warszawa : DiG, 1998. 233 s.
13. *Iwazkiewiczowa M.* Wspomnienia. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 13173.
14. *Janiszewski E.* Wspomnienia odessity, 1894—1916. Wrocław ; Warszawa ; Krakow : Ossolineum, 1987. 324 s.
15. *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa : Państwowe wydawnictwo Naukowe, 1983. 800 s.
16. *Kraśńska E.* Wspomnienia. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 14114.
17. *Krauzowa Z.* Rzeki mojego życia. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1979. 290 s.
18. *Pawelczyńska A.* Koniec kresowego świata. Lublin : Wydawnictwo TEST, 2003. 464 s.
19. *Pokrzywnicki E. J.* Żywoty i sprawy. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15415.
20. *Replonge J. P. de.* Obrazy pamiętnych Lat, 1903—1967. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15535.
21. *Rostworowski A.* Ziemia, której już nie zobaczysz: Wspomnienia kresowe. Warszawa : Czytelnik, 2001. 504 s.
22. *Skrzyński K.* Wspomnienia z lat 1891—1917. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15585.